

Александр ПЕТРОВ

БОРЬБА С СИСТЕМОЙ И ДРУГИЕ МЕЛОЧИ ЖИЗНИ

Повесть

Правило борца с системой №19:

прежде чем бороться с системой, не забудьте оплатить коммунальные счета. Как бороться с системой без воды, газа, света и Интернета?

А началось всё это вот как. Я прогуливался по набережной имени Наябова, откуда собирался свернуть на улицу имени Наябова, перейти по проспекту Наябова и немного посидеть в закусочной «У Чаши», где готовили прекрасное пюре, но меня внезапно кто-то хлопнул по плечу. В нашем 8491 году если тебя кто-то трогает по плечу, то это явно чекисты из СУКи. Прежде чем объяснить, как человечество с его пороками и потребностями так долго протянуло, стоит указать, что СУК – это Специальная Унитарная Команда. Это бравые молодцы в чёрных униформах, которые следят за тем, чтобы на улицах был порядок, не было никаких мечтателей, художников, музыкантов, писателей и прочих людей гуманитарного склада ума и тонкой душевной организации. Оно ведь вредит режиму!

На самом деле, сейчас была где-то середина XXI века. Дело в том, что во время одного из новогодних поздравлений наш правитель – Марат Наябов – выступил по телевизору изрядно выпимши и чего-то там напутал в числах. В общем, никто толком и не смог разобраться с каким годом он нас поздравляет, но всем показалось, что он поздравил нас с наступившим 8491 годом, пожелал счастья, здоровья и светлого будущего. На следующий день возникла крупная проблема: на всех компьютерах и телефонах календари были до 2099 года, поэтому пришлось потратить много денег на создание новых систем, таких как «Окна 8491» для компьютеров, в которых календарь начинался с 8490 года. Просто преданные своему вождю лидеры решили – если вождь сказал, что следующий год будет 8491, то так оно и будет! Разочарованные люди толпами снимали со стен календари и спешили покупать новые, так как мы теперь жили по новому летоисчислению. Партия радостно заявила, что мы теперь не только стали ближе к светлому будущему, мы его догнали, обогнали и ушли далеко вперёд, в общем, давно в нём живём. Все в очередной раз поразились мудрости и дальновидности нашего вождя.

Ну, так вот, я в ледяном поту повернулся, и хотел было сказать, что ни в коем случае не замечтался, а просто голоден и гуляю по вечерам не ради вдохновения, нет, вы не подумайте, а просто для сердца полезно, но... нет. Передо мной стоял небритый человек с короткой стрижкой, который пристально смотрел на меня.

– Вы!

– Нет, не я.

В нашем мире надо отрицать всё до последнего. Если спрашивают, знаете ли вы, как пройти до улицы Наябова, отвечайте, что не знаете. Если вас спрашивают, знаете ли вы, сколько сейчас времени, отвечайте, что не знаете. Незнающий всегда безопасен, потому что он дурак и ничего не знает. По крайней мере, так рассуждали наши органы безопасности, а я хорошо изучил их психологию. Нельзя было доверять даже случайным прохожим, ведь помимо СУК существовали ещё и Скрытые Военизированные Опергруппы Легитимно Очищающие Человечество. СВОЛОЧи, в общем. Они работали под глубокой конспирацией, всегда были одеты в гражданское и всегда были где-то среди нас. Сложно сказать, кто страшнее, СУКи или СВОЛОЧи, ведь и те, и те, если принимали тебя за социально опасный элемент, отправляли прямиком в Здание органов госбезопасности на площади имени Наябова, откуда, как известно, никто возвращался. В общем, СУКи были простой полицией, СВОЛОЧи же были полицией тайной.

– Нет, вы, – вдруг шепнул человек, – вы писатель! Я долго вас искал.

И тут у меня сердце ушло в пятки. Я был раскрыт. Они вычислили меня. Я тут же представил мрачные подвалы, я тут же представил себе ПИЗ... в общем Правительственное Исправительное Заведение Для Уголовников. Уже давно никто не делил преступников на уголовных и политических. Все преступления считались уголовными, потому что мысль о преступлении рождалась у головы человека, а не у его желудка или его левой пятки. Так гласила 58 статья из «свода законов Наябова».

– Вы ошибаетесь! Какой же я писатель! Я работаю землемером!

– Врёте.

– Ладно, полгода пытаюсь устроиться работать землемером.

Это было чистой правдой. Я окончил Аграрный университет имени Двестильпина, получил жёлтый диплом, согласно которому я был квалифицированным землемером. Просто в последнее время сложно было найти работу по моей специальности. Меня уже полгода посылают из одной конторы в другую, просто какой-то ад тоталитарной бюрократии. Вот и приходится жить случайными заработками. Но проблема была в том, что я и правда был писателем. Но писал я уже много лет исключительно у себя в голове и помнил все произведения и стихи наизусть, никогда не переносил их на бумагу. Как этот человек догадался, я понятия не имею.

– Не бойтесь. Я не из СУК. И не состою в СВОЛОЧах. Я революционер!

Он сказал это с такой гордостью и напыщенностью, что я даже ненадолго поверил. Все-таки в нашем мире надо быть сумасшедшим, чтобы говорить такое вслух. За это тебя отправят в пиз... ну, вы поняли куда, и не важно, работаешь ты в органах внутренних дел или простой рабочий. Отправят и всё тут. А может он сумасшедший? Мне стало страшно. Я гулял, никого не трогал, надеялся поест на последние деньги и завтра продолжить вновь тщетные поиски работы, а тут столько проблем разом свалилось на меня. Почему он решил, что я писатель? А если он правда революционер, то зачем он заговорил со мной? Ведь теперь даже за то, что я ответил ему, да даже за то, что мы встретились с ним взглядом, меня могли отправить в то самое место. А я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не хочу делать, потому что хотеть невозможного это издеваться над самим собою, подобные мечты что-то вроде вечно разбитого сердца и страданий по красавице, которая на тебя никогда не посмотрит.

– Извините, мне надо идти.

– Подождите. Нам действительно нужен писатель!

– Кому «нам»? И с чего вы взяли, что я писатель?

– Революционерам, – он теперь чуть ли не говорил нормальным тоном, и я начал испуганно оглядываться, нет ли кого поблизости, – а нужны вы нам для того, чтобы преобразить этот мир! Ведь вы этим и занимались раньше! Брали реальность и меняли её до неузнаваемости! Вы, возможно, последний писатель. И вы можете спасти человечество от этой тоталитарной диктатуры Наябова! Разом покончить со всеми этими СУКами и СВОЛОЧами! Никого больше никогда не отправят в пи...

– Я понял, понял, не продолжайте. Но я так и не услышал ответа на вопрос, с чего вы взяли, что я писатель?

– Вы единственный, кто гуляет медленно и останавливается на несколько секунд, бросая быстрый взгляд на облака и закат. Это признак мечтателей и писателей.

– Простите, но ваши умозаключения высосаны из пальца, мне пора...

– Послушайте, – он схватил меня за плечо, – это ваш последний шанс. После этого нет пути назад. Вы можете уйти – история заканчивается, вы завтра просыпаетесь в своей кровати и верите в то, во что хотите верить. В вождя, в партию, в великое будущее. Пойдёте со мной – и когда-нибудь вы окажетесь в стране чудес, и я покажу вам, насколько она глубока.

Говорил он, как сумасшедший. Но эта его настойчивость не на шутку напугала меня. Если это и человек из СВОЛОЧей, то я уже на крючке. Я был обречён. Я кивнул головой.

– Ладно, ведите меня.

– Хорошо, – он отпустил мою руку, – вы не представляете, какое важное решение для всего человечества вы приняли. Кстати, как вас зовут?

– Николай.

– Ладно, Николай. Зовите меня Белым Кроликом. Это моя революционная кличка, она давно заменила мне имя. Следуйте за мной.

И я последовал за ним, даже не представляя, что меня ждёт впереди.

Правило диктатора №22:

Прежде чем стать диктатором, постарайтесь в молодости хотя бы немного посидеть в тюрьме. Это создаст иллюзию, будто бы вы когда-то боролись с несправедливостью.

– Вроде бы похож.

Я смотрю на фотокарточку прошлого вождя, потом на испуганно трясущегося человека, который боится даже вздохнуть лишний раз передо мной, потом опять на фотокарточку, потом опять на человека, потом смотрю на один из многих тысяч моих портретов.

– Да, вы нам подходите, товарищ Бабурин.

– Для чего? – спрашивает он трясущимся голосом. И я начинаю рассказывать ему эту длинную и неприятную историю...

Ещё несколько дней назад наш прошлый великий вождь, товарищ Трудоголиков, лежал в мавзолее имени Наябова, то есть мавзолее имени меня, и все вроде бы были довольны. Люди приходили посмотреть, он тоже вроде бы не жаловался. Потом случилось непоправимое. В мавзолее отключили воду. По каким там причинам мне неизвестно, но я приказал расстрелять весь безответственный персонал Мавзолея и заменить его на ответственных людей. Но это случилось позже. К сожалению, забальзамированный труп вождя надо было по непонятным мне причинам мыть, причёсывать и менять ему костюм. Так как воды в Мавзолее не было, эти идиоты, эти никчёмные тупые кретины, решили отнести мумию вождя в соседнее здание и помыть его там. По дороге их остановили СУКи, арестовали (конечно, они не поверили, что какие-то два кретина несут вождя в соседний дом, чтобы его помыть, они решили, что сотрудники мавзолея – это преступники, рецидивисты, обнаглевшие настолько, что убивают людей уже на самой площади имени Наябова), затем без суда и следствия расстреляли и отправили вместе с вождём в морг. В морге долго не церемонились, решили не утруждать себя процедурой опознания и зарыли всех троих в какой-то безымянной могиле на неизвестно каком кладбище. Да, глупая история.

Узнав о том, что великого вождя закопали с полнейшими идиотами, я сгоряча приказал расстрелять тех, кто расстрелял этих идиотов, и вместе с ними расстрелять сотрудника морга, а потом расстрелять расстрелявших и повторить эту процедуру ещё три раза, чтобы никто ничего не узнал. Только потом я понял, что мы теперь понятия не имеем куда, собственно, закопали вождя.

Да, вот так вот тяжело быть диктатором! Но я придумал что делать. Нам нужно было всего лишь найти человека, похожего на вождя, убить его, забальзамировать и положить в мавзолей вместо вождя. Вряд ли кто-то заметит перемену, а если заметит, то побоится сказать об этом вслух.

– В итоге, – закончил я свою историю, – мы нашли вас. Сходство практически сто процентное. Знаете, мне кажется, словно сейчас передо мной стоит сам оживший Илья Владимирович! Настолько вы на него похожи!

Я засмеялся, затем дал знак человеку у двери, и тот выстрелил в двойника.

– Чтобы через час он лежал в мавзолее.

– Будет исполнено!

В комнату зашли четыре солдата и унесли труп. Я облегченно вздохнул и сел в кресло. Как же всё это надоело! Сил моих нет терпеть всё это безобразие! А ведь это только начало дня. Длинного, скверного дня. Решив, что сегодня мне надо отдохнуть, я взял газету и решил посмотреть, какие фильмы на этой неделе показывают в кинотеатрах. Три фильма о том, как чинить комбайнеры, два трёхчасовых фильма, показывающих, как рабочие трудятся в шахтах и

семь фильмов про селекцию растений. Я отбросил газету и закурил. Ни одного фильма про меня! Ни одного. Я вызвал к себе своего заместителя Лаврова и сказал, чтобы это исправили и на следующей неделе показывали как минимум десять фильмов про меня.

– Но, товарищ Наябов, про вас пока снято только девять картин. Мы не успеем за неделю снять новый фильм.

– А какой был последний?

– Так... дайте подумать... Хм... Что там у нас... Одним из последних был «Товарищ Наябов изучает труды товарища Трудоголикова», «Товарищ Трудоголиков изучает труды товарища Наябова», «Товарищ Наябов и товарищ Трудоголиков вместе изучают труды друг друга»... а! Вот! Последний фильм про вас это «Вождь спит». Восьмичасовая эпопея про ваш сон.

– Хм... так запустите этот фильм под двумя разными названиями! «Вождь спит» и «Сон вождя». Я хочу, чтобы на следующей неделе про меня показывали десять фильмов. Люди должны видеть, что я забочусь о родине.

– Да, кстати о родине... у нас небольшие экономические проблемы.

– Какие ещё проблемы?

Лаврентьев побледнел.

– Ну, в общем, там что-то напутали. Мы должны были отправить несколько сотен новых комбайнов в Наябовград и несколько сотен тракторов в Наябовград. Так вот, там всё как всегда напутали, и теперь в Наябовграде много комбайнов, но совсем нет тракторов, а в другом Наябовграде много тракторов, но совсем нет комбайнов. Работа стоит!

– Так. Срочно исправить! И да, думаю, что Наябовград надо переименовать в Наябовск, чтобы как-то их различать.

– Но у нас остается ещё 931 Наябовградов в 16 республиках! Я давно пытался намекнуть вам, что это вызывает много проблем и надо что-то предпринять...

– Так, иди сюда.

Он подошёл к столу едва не плача.

Я взял листок и начал писать «Наябовград, Наябовск, Наябов-на-Наябове, Наябовбург...» тут моя фантазия закончилась, и я передал ему тетрадку с карандашом.

– Ты понял? Ты должен придумать ещё 931 название в этом духе. Не знаю там, Усть-Наябов, Нижний Наябов, прояви фантазию. Не зря же я выбрал тебя своим заместителем. Подашь мне список вечером. Иначе твоё место займёт твой заместитель! И он продолжит этот список. А если и он не справится, то его место займёт его заместитель. Ну, ты понял.

Он кивнул, взял тетрадку и ушёл. Я вызвал к себе министра печати и сказал, чтобы во всех газетах написали статью о мудрой и гениальной административной реформе Наябова, которая поможет нам решить большинство проблем и приблизит светлое счастливое будущее.

И вдруг я вспомнил о ней. Вскочил, побежал в бункер. Она стояла там. Я в тысячный раз попробовал запустить её. В очередной раз где-то полчаса тыкал красную кнопку запуска, дергал рычаги, проверял, не отошёл ли где провод. Бесполезно. Она не работала. В конце концов, я несколько раз гневно пнул эту бесполезную махину, махнул рукой и покинул бункер. Пришла пора править самой великой, по мнению большинства, страной в этом мире.

Правило борца с системой №53:

Борясь с системой, не забывайте пользоваться её благами, особенно бесплатными. Это ни в коем случае не подачка со стороны государства, как могут подумать некоторые начинающие борцы с системой, – это компенсация за моральный ущерб со стороны системы.

Белый кролик, правда, оказался революционером. Какими-то запутанными закоулками мы добрались до подвала, в котором находился их штаб.

В тёмном прокуренном помещении сидели два человека, которые были похожи на персонажей какого-то кино. Один был со шрамом, другой в очках. Они о чём-то яростно спорили.

– Я считаю, что после прихода к власти, в первую очередь мы должны переименовать страну из Наябии во что-нибудь нормальное! Вместе с диктатором надо будет уничтожить все упоминания о нём, – сказал человек в очках.

– И что ты предлагаешь? Как нам назвать страну? – ответил человек со шрамом.

– Ну не знаю... Какая-нибудь там демократическая республика.

– Ладно. Вопрос, безусловно, важен, но это дело всё-таки пятое-десятое. На повестке дня вопрос: как нам обустроить Наябию?

– Я думаю, мы должны сделать упор на свободу, равенство, братство... и животноводство!

– А почему животноводство?

Человек в очках хотел что-то ответить, но тут увидел нас, подскочил, начал радостно жать мне руку.

– Ты нашёл его, нашёл! – радостно кричал он.

Кролик представил мне двух остальных. Их клички были, как ни странно, Шрам и Доцент. Собственно, эти три человека и составляли всю революционную ячейку. Шрам стал революционером после того, как всех его родственников по отцовской и материнской линии, а также родственников его жены до девятого колена признали врагами народа и арестовали. А все из-за того что Шрам обернул селёдку газетой, в которой был напечатан портрет самого Наябова. Самое парадоксальное, что самому Шраму удалось скрыться и он, будучи в бегах, спрятался в том самом подвале, в котором Кролик начал свою революционную деятельность.

История Доцента была более прозаична. Он был некогда преподавателем в НГУ (Наябовском Государственном Университете) и доктором наук по Наябографии. Доцент прекрасно разбирался в Наябоведении, Наябистике и Наябологии, вследствие чего заметил явные противоречия. Например, во всех книгах были цитаты из собрания сочинений Наябова, но самого собрания сочинений нигде не было. Доцент обошёл все библиотеки, изучил все фонды и ни в одном не нашёл этого самого собрания сочинений. СВОЛОЧи не спали и заметили, что Доцент слишком глубоко копает, и в один миг его лишили рабочего места и научного звания. Обозлившись на власть, Доцент задумал устроить теракт, но в последний момент встретил Кролика, и тот уговорил его начать более организованную борьбу с тоталитарным режимом.

Деятельность этих революционеров в основном сводилась к разговорам на кухне и иногда, для разнообразия, разговорам в подвале. Никакой программы и никакого плана действий у них, как выяснилось после короткого разговора, не было. Даже в планах у них не было плана. Однако кое-что в запасе у Кролика было.

– В общем, у нас есть информация, что где-то в подземельях под площадью имени Наябова...

– Какой именно? – переспросил я.

– Самой главной! Где мавзолей!

– Ааа...

– Ну, так вот, там находится кое-какая машина, чудесное изобретение Наябовских инженеров. Она называется «Тварь-машина»! Вообще она должна была называться «Твор-машина», ну, типа машина творчества, но так как всё-таки делали её люди с математическим складом ума, то букву перепутали.

– И что делает эта машина?

– Ооо! Это очень сложное изобретение! В общем, каким-то образом оно преобразует реальность, всё это как-то завязано на других измерениях и всё в этом духе. Механизм нам знать не обязательно. Но нужно условие, при котором эта машина бы заработала. Ей нужны какие-то переменные, координаты, с помощью которых она преобразовывала бы мир и...

– И для этого вам нужен человек с фантазией. То бишь я?

– Да, да, да! – радостно закричал доцент.

– А у вас что? Вы же революционеры, то есть коли вы именуете себя революционерами, то у вас должна быть какая-то программа, там, я не знаю, представление об устройстве государства, которое вы хотите построить и всё в этом духе.

– Это дело для политиков! А мы революционеры! – сказал Шрам и похлопал по револьверу, висевшему у него за поясом.

– Ааа... И как же вы собираетесь пробраться в одно из самых охраняемых мест на планете?

– Ну, вообще-то есть один путь. Туда ведёт один из тоннелей со станции Наябова.

– Какой именно? Все станции метро – это станции Наябова.

– Ну, тут объяснить сложно, тут мы только можем тебя довести до этого места.

– И когда мы выдвигаемся?

– Сейчас, – Шрам достал из какого-то ящика ещё несколько пистолетов, – медлить нельзя. Нас в любой момент могут закрыть.

– Подождите, подождите, – попытался остановить их я, – а если я откажусь?

– Откажешься от жизни в другом, нормальном и прекрасном мире?

– Да, именно так. Вдруг я устроюсь землемером, так я хотя бы буду жив. А если приму участие в вашей афере, то 50% что нас убьют, остальные 50 что нас будут долго и страшно пытаться, а потом убьют!

– Тогда... ну... нам придётся...

Кролик встал у выхода, за моей спиной стоял Шрам.

– Вы угрожаете мне?

– Ну, у нас нет выбора. Вы знаете важную революционную тайну. Теперь отсюда у вас два выхода. Живым, но вместе с нами и напрямик к «Тварь-машине», в новый дивный мир, либо мёртвым в ближайшую канаву.

В общем, ситуация, в которую я попал, была самой что ни на есть скверной. Пожав плечами, я согласился, и все радостно вздохнули.

– Однако же у меня есть некоторые вопросы.

– Да-да? – откликнулся Доцент.

– Неужели я последний творческий человек в Наябии?

– Эм... ну... кажется, да. Мы думали, что писатели из «Союза писателей Наябова» хорошо шифруются, но после синтеза аналитических парадигм философского анализа языка и текста, с применением аналитической психологии в широком смысле и аналитической философии, то бишь философии обыденного языка я...

– Можно короче?

– Если короче, писателей там нет. Это всё тоталитарное искусство, диктуемое сверху. Ремесло, а не творчество. Можешь сам убедиться, – Доцент бросил на стол передо мной несколько книг. Я взял какую-то из книг наугад, открыл случайную страницу и начал читать: «Молодой рабочий Иван крепко сжал дрель. Услышав столь милые для рабочего человека звуки, он пришёл в настоящее возбуждение; когда сверло начало входить в дерево ритм дыхания Ивана поменялся, он стал дышать чаще и глубже, чувствуя настоящее удовольствие от своей работы».

– А вот творения «Союза художников Наябова», – сказал Доцент, отодвинув красную штору в углу.

На каждой картине был Наябов, причем на всех картинах он был в одной и той же позе, только пейзажи менялись. Сюжеты картин были просты и незамысловаты. «Наябов с детьми». «Наябов с рабочими». «Наябов у «Мавзолея имени Наябова». «Наябов на открытии нового завода имени Наябова». «Наябов в родном городе». «Наябов в неродном городе».

– Думаю, фильмы о Наябове вы видели?

– Да видел.

– А вот песни о Наябове, бьюсь о заклад, вы не слышали?

– Нет.

– Хорошо, сейчас услышите.

И тогда Доцент тихо включил музыку в магнитофоне.

*«На широких приволжских просторах
Городов, словно на небе звёзд.»*

*Но один нам особенно дорог,
Где Няябов родился и рос»
«У Няябовской стены тихо ели стоят,
Часовые проходят на пост.
Над Няябовской стеной, не сгорая, горят
Пять высоких рубиновых звезд.
А под теми звёздами-рубинами –
Твой гранитный, твой бессмертный дом.
И к тебе, родному и любимому,
Мы тропой заветной идём.*

*Няябов – наше знамя!
Няябов вечно с нами!
Для страны родной
Ты всегда живой.
Няябов – наше знамя!
Вечно с нами – Няябов!»*

*«Я песней сердца славлю тебя, земля, –
Моей страны счастливый простор!
Я песней сердца славлю сады, поля,
Мои леса и цепи дальних гор!*

*Великий Няябов глаза мне открыл, –
И смело гляжу я вперед.
Великий Няябов народ наш сплотил,
Любимый Няябов к победам ведёт!»*

– Ладно, ладно, ребята, я понял, хорошо, я с вами! – остановил я Доцента, так как больше слушать это было невозможно.

Шрам кивнул, Кролик похлопал меня по плечу, Доцент улыбнулся.

– Добро пожаловать в наше маленькое, но сплоченное революционное общество.

– Ну, а название-то у вашей революционной партии есть?

– Да. Мы – Антиняябовцы! – гордо сказал Доцент.

Правило диктатора номер 39:

Не забывайте методично уничтожать тех, кто помог вам прийти к власти. Они слишком много знают, слишком много будут требовать, да и вообще...

Многим кажется, что быть диктатором сверхдержавы легко. Ан нет. Чуть-чуть сильнее сдавишь узлы – задушишь народ; чуть-чуть ослабишь хватку и потеряешь контроль. С тех пор, как я стал диктатором, я не отдыхал ни дня. Несмотря на то, что меня день и ночь охраняет по несколько десятков охранников, редко когда мне удастся выспаться, так как на меня регулярно совершаются покушения. Большинство из них носит абсолютно идиотический характер.

Один старик разводил голубей и адресировал их так, чтобы они прилетели прямо в мою резиденцию, предварительно их заманировав. Птицы прилетели, немного побегали у моего окошка и полетели обратно к себе в голубятню, где и благополучно взорвались. Старик не пострадал, только потом заболел острым отравлением свинцом в тяжелой форме.

Книги с отравленными страницами и курительные трубки с сибирской язвой стали обычным делом. К счастью, у меня в бункере жило около двадцати моих двойников. Состав их регулярно менялся, так как большинство из них часто умирали страшной и мучительной смертью. Но что тут сказать... быть двойником диктатора дело нелегкое, а они сами добровольно-принудительно выбрали этот тяжкий путь.

Пока Лавров решал важные государственные вопросы, я в очередной раз пытался разобраться в том бардаке, который творился в нашем государстве. На повестке дня стоял вопрос, какой идеологии мы придерживаемся. Закрывшись в своём кабинете, я достал хорошо спрятанную книгу «Создание тоталитарного режима для чайников» и принялся читать.

«Быть диктатором сложно. Во-первых, вам нужно дурить народ. Лучший способ для этого – идеология. Не всякая идеология подходит для того, что бы облапошивать миллионы людей. Желательно выбрать такую идеологию, которая была бы противоположна другой сверхдержаве (*при условии, что ваше государство сверхдержава, смотрите стр.190, п.5*). Если вам лень придумывать что-то своё, то можете взять стандарт: коммунизм, социализм, марксизм-капитализм. Когда народ отвлекается на внешнего врага, то он абсолютно не замечает проблем своей собственной страны»

А что, неплохо! Я у власти уже несколько лет, а идеологию мы так и не выразили. Я решил особо не заморачиваться, и сделать Наябию страну коммунистической. Хитро улыбнувшись, я продолжил читать книжку:

«Если вы не обладаете даром красноречия, то вы можете использовать при публичных выступлениях речи других диктаторов, которые приведены на странице 191, в приложении номер 7».

Бегло просмотрев приложения, я выбрал несколько речей, потом вызвал к себе Лаврова и сказал, что сегодня буду говорить торжественную речь на главной площади имени Наябова, у мавзолея. Он кивнул и пошёл раздавать указания.

Через полчаса я уже стоял на площади, на которой столпились тысячи людей и ждали моих слов. Достав из кармана мятую бумажку, я начал читать текст, скомпилированный из выступлений других диктаторов.

– Я, как представитель нашего Наябовского Правительства, хотел бы сказать тост за здоровье нашего наябовского народа, – сказал я и выпил рюмку.

– Я пью, прежде всего, за здоровье наябовского народа потому, что он является наиболее выдающейся нацией из всех наций на этой планете, – я выпил вторую рюмку.

– Я пью за здоровье наябовского народа потому, что он заслужил... – текст дальше был каким-то неразборчивым и я просто выпил рюмку. Текст стал расплываться, меня немного затошнило и я закурил сигарету.

– Я пью за здоровье наябовского народа потому, что у него имеется здравый смысл, общеполитический здравый смысл, ясный ум, стойкий характер и терпение, – четвёртая рюмка, кажется, была лишней. Теперь я с трудом мог рассмотреть не то что лица в толпе, но даже текст на бумажке.

– За здоровье наябовского народа! – мне уже было всё равно, я сделал несколько крупных глотков прямо из горла, потом опершись о трибуну, с сигаретой в зубах пытался несколько минут рассмотреть чего там написано в этой проклятой бумажке.

– Короче, бл..дь, нынешнее поколение наябовских людей будет жить при коммунизме! Наши, сука, цели ясны, задачи, сука, определены!

Я щёлкнул рукой, и мне принесли ещё одну чекушку водки. Народ оглушительно хлопал. Были ли аплодисменты посвящены моей речи, или же люди хлопали, потому что вокруг было очень много людей в чёрных шинелях, непонятно, но я к тому времени был пьян настолько, что едва стоял на ногах. Открыв новую чекушку, я продолжил свою речь, местами импровизируя.

– В общем, все свои силы мы должны бросить на борьбу с гидрой империализма. Выпьем за это! – я пью и слышу оглушительные аплодисменты.

– Мы этой мрази покажем кузькину мать!

Кто-то тронул меня за плечо. Я повернулся, но мне сложно было рассмотреть лицо этого человека. Кажется, я напился в дупель.

– Мы, бл..дь, коммунисты, в ответе за судьбы своей страны, за правильный ход какого-то там развития, не могу прочесть это слово, ну пох...й, за условия жизни народа, з... опять это сложное слово! В общем, за воспитание людей, особенно молодежи, за безопасность родины,

сука! – сказал я, а потом, отпив ещё немного из бутылки, сказал, – Только массовые расстрелы спасут Родину!

Правило борца с системой №59:

Настоящая революция начинается на кухне, причем критика существующего режима тем жестче, чем больше выпито крепких алкогольных напитков.

Доцент вернулся с разведки необычайно радостным.

– Наябов собрался толкать какую-то речь на главной площади имени Наябова! Улицы опустели! Это наш шанс!

– Всё, быстрее, в путь! – сказал Кролик, запихал в какой-то мешок оружие и кивком указал на дверь.

Все остальные пошли за ним. Шрам перед этим глотнул из своей фляжки чего-то крепкого. Где он умудрился достать алкоголь загадка, так как пить разрешалось только высшим партийным деятелям, а в стране вроде как был сухой закон.

– До метро идти минут десять, там спустимся, потом по тоннелю минуты три и мы попадём в лабиринты, ведущие к «Тварь-машине». Мы справимся.

Мне ничего не оставалось делать, кроме как плестись за ними. Если бы я закричал, попытался убежать, они бы догнали меня и убили. Если бы я смог добежать до отряда СУК, то нас бы арестовали и расстреляли. Их как революционеров, а меня просто так, хотя бы за то, что не сдал их сразу. Закон у нас был жёстким и избирательным.

Шли мы какими-то закоулками. На улице темнело. Издалека слышались аплодисменты, и иногда до нас доносились какие-то обрывки речи Наябова, которую он пытался произнести в явно нетрезвом состоянии. Это было обычное явление. Практически на каждом выступлении Наябов напивался в дупель, и его оттуда уносили его личные телохранители.

Обычным людям пить было запрещено, считалось, что это вредит здоровью нации. Однако народные умельцы приспособились пить всё, что содержит хоть немного спирта. Одеколон, лосьоны для лица, стекломой, в ход шло всё. Правда, за появление в общественном месте, будучи в нетрезвом состоянии человеку грозил расстрел, но это мало кого останавливало. С тех пор, как запретили религиозные убеждения, в народе даже появилась фраза «Религия – стекломой для народа!».

Любые запреты в Наябии доходили до крайностей. Один мужик увидел, что ему перешла дорогу чёрная кошка, и решил пойти другой дорогой. Всё это заметили СВОЛОЧи, мужика арестовали за «суеверность», и через несколько часов пыток он признался, что верит в загробную жизнь. Люди в застенках Наябовки-38 вежливо предложили бедному мужику проверить, существует ли загробная жизнь на самом деле или нет. Висит подкова над дверью? Расстрел. Попросил друга, что бы он тебя обматерил перед экзаменом? Расстреляют обоих.

Расстрелы были в Наябии самым обычным делом. При этом путём простых математических вычислений, можно понять, что расстреливали в день гораздо больше людей, чем их рождалось. Более того, на расстрелы тратили столько патронов, что в случае крупномасштабной войны банально не хватило бы патронов на защиту родины. Однако Наябова это не волновало. Управление сверхдержавой для него было чем-то сродни игры.

Возле метро стояло несколько подозрительных людей, вполне возможно, что это были СВОЛОЧи. Шрам сжал в кармане свой пистолет. Но люди просто бросили на нас косые взгляды и всё. Вот мы и спустились в метро. Со стороны выглядели мы довольно странно, поэтому я сильно переживал, а вот остальные наоборот, чувствовали себя уверенно. Видимо они были людьми храбрыми и готовыми умереть за светлое будущее в любой момент. Я же не был таким, на кой чёрт мне помирать за светлое будущее, если я его не увижу? Да, может это эгоцентрично, но это правда. Многие считают, что мы – писатели – романтики и идеалисты, но на самом деле большинство из нас прожжённые циники, которые к моменту взросления разочарованы во всём, в чём только можно разочароваться. Несколько раз у меня появлялась мысль всё-таки попробовать сбежать от этих психов, но, кажется, Шрам постоянно наблюдал за мной. Ирония судьбы! Из заложников тоталитарного абсурдного государства я стал

заложником безумных революционеров, верящих в какую-то фантастичную тварь-машину. Есть ли вообще свобода на этом свете?

– Так, вот эта дверь для персонала, – Кролик указал на дверь с надписью «не влезай, убьёт!».

– А надпись тебя не смущает? – спросил я.

– Это чтобы туда случайно никто лишний не забрёл.

– Ааа, – кивнул я, делая вид, что поверил. Если бы они один за другим зашли в эту дверь и получили добрую порцию тока, то это бы заметно облегчило мою жизнь. Через месяц другой я бы может всё-таки устроился землемером, и жизнь бы моя наладилась, потом подал бы заявку в ЗАГС, где мне бы подобрали какую-нибудь жену, и всё бы у нас было хорошо.

Но нет. Подошёл последний поезд, станция опустела. Лишь один человек в углу читал газетку.

– Это СВОЛОЧ, – сказал Шрам, потом достал пистолет и выстрелил в того человека.

Кролик быстро открыл дверь, мы все забежали внутрь. Доцент принялся минировать дверь.

– Ты с ума сошёл? – закричал я.

– Успокойся. Революция требует жертв! Это был наш идеологический враг.

– Идеологический враг? А какая у тебя идеология?

– Революционная.

– Это не идеология!

– Нет, это идеология!

Выдохнув воздух, я сел на какую-то батарею.

– Успокойся, Избранный. Шрам всё сделал правильно.

– А, так я уже Избранный!

– Да. Ты наше главное оружие против контрреволюционной гидры.

– Замечательно. А чем контрреволюционная гидра отличается от гидры империализма?

– Революцию делать – это тебе не теории строить.

Доцент заминировал и заварил дверь, дополнительно закрыв её на семь замков. Теперь открыть её снаружи было сложно.

– Всё, нам пора идти.

Я встал и пошёл за группой, с каждым моментом всё больше убеждаясь в том, что я попал не в группу революционеров, а в группу сумасшедших психопатов.

Правило диктатора номер 87

Хорошенько запомните: каждый человек виновен, пока он не докажет обратного.

Проснулся я уже затемно, с похмелья, и в настолько скверном состоянии, что решил развязать маленькую победоносную войну с соседним государством, и позвонил в отдел номер шесть, чтобы там напечатали ещё несколько тысяч доносов на случайных людей.

На столе лежала толстая тетрадка от Лаврова, в которой было, как я и указывал, 931 название городов с корнем «Наябов». Я пролистал тетрадку и убедился, что работа выполнена на совесть: «Наябин, Наябинск, Наябийск, Наябаул, Наябгород, Наябовещенск, Наябовосток, Горно-Наябовск...». Я вызвал Лаврова, похвалил его и приказал, чтобы реформа была приведена в действие и немедленно.

– И, Паша, будь добр, принеси мне чего-нибудь опохмелиться.

Он кивнул, и через несколько минут у меня на столе стояла бутылка хорошего коньяка. После пары рюмок я вновь был готов управлять государством. С одной стороны это занятие очень увлекательное, с другой стороны тяжёлое и скучное.

Того расстрелять, этого посадить... и так целыми днями. Поначалу мне это нравилось, но сейчас всё это порядком надоело. А чёртова машина, будь она проклята, больше не работает. Чтобы она заработала, нужен настоящий художник, писатель, творец, но где ж их взять, если всех их расстреляли? Те, что остались в живых, скорее ремесленники, которые пишут редкой

паршивости книги и мои биографии, которые вполне годятся для промывки мозгов народу, но не несут за собой никакой художественной ценности.

Вот взять, например, лежащую на столе книжку «Наябов: путь великого», написанную на днях каким-то фрезеровщиком из Наябовграда (какого именно не знаю). Она практически слово в слово повторяет книгу «Наябов: великий путь», только в некоторых предложениях переставлены местами слова и чуть-чуть укорочены главы про те времена, когда я был ещё младенцем. Эти две книжки в свою очередь являются копиями книг «Путь великого Наябова» и «Великий путь Наябова», которые в свою очередь копируют «Великий путь великого Наябова». Нет слов, описывающих до чего мне всё это надоело.

Ситуация с картинами была не лучше. Художники просто не могли нарисовать что-то своё и следовали изданной в не-помню-каком-году книге, в которой были указаны каноны живописи.

«Допустимые изображения вождя:

1. Вождь за рабочим столом
2. Вождь с рабочими
3. Вождь с крестьянами
4. Вождь с детьми
5. Вождь поздравляет ударников труда
6. Вождь расстреливает врагов народа...»

Всего этих канонов было, кажется, 53. К каждому из этих канонов также были свои правила, вот например памятка, как следует изображать Вождя за рабочим столом: «За окном должна быть ночь, дабы люди думали, что даже ночью вождь заботится о родине. Лицо Вождя должно быть немного напряженным, он должен быть занят какой-то письменной работой; при этом часть листа должна быть исписана. Рядом с правой рукой вождя должна стоять стопка книг...»

В общем, теперь в искусстве не допускалось никакого произвола. Всё должно быть по канонам. Памятники должны изображать либо Вождя, либо рабочих. Книги только про Вождя. Картины только про Вождя. Музыка никакой, если не считать песен о Вожде. Театральные постановки только про Вождя и только по мотивам книг о Вожде. Всё искусство так или иначе должно быть связано с Вождём. В результате подобной политики в течение длительного времени, все творческие люди ушли в подполье, но долго они там прятаться не смогли, и к настоящему времени не осталось ни одного творческого человека. Последних художников передавили лично по моему указу бульдозером. Лишь потом я понял свою ошибку. Прошлый Вождь убрал из школьных предметов все, которые могли хоть как-то поспособствовать развитию творческих способностей. Ребенка, который имел неосторожность изрисовать тетрадку или написать стихотворение отправляли в специальную школу, где из потенциального гуманитария делали абсолютного технаря, прекрасно разбирающегося в естественных и технических науках. В самых сложных случаях делали какую-то сложную операцию и удаляли зоны мозга, отвечающие за творческие способности.

Корни всего этого росли из «Закона Ильича». Был такой ученый по фамилии Ильич, который ещё при первом Вожде научно доказал, что любое творчество ведёт к свободе, самоуправству и всему прочему, а апогеем творчества является оппозиция государства. В итоге творчество взяли под тотальный контроль.

И вот я оказался заперт в ужасном тоталитарном абсурдном мире, который сам и создал. Сотни раз я пробовал включить ещё раз эту «Тварь-машину», вернуться обратно, туда, где я был бы простым Маратом Наябовым, аспирантом технического университета, но она не работала. Первое время мне нравилось быть всемогущим диктатором, но потом я понял, что эта работа явно не по мне. Я знал, что должен жить по законам этого мира, иначе меня убьют в результате заговора и на моё место поставят следующего вождя. Закурив трубку, я погрузился в мрачные думы.

Всё здесь было не так. Там я был обычным человеком, а здесь вокруг меня был целый культ, но культ этот был какой-то абсурдный. Да и мир этот был каким-то абсурдным донельзя.

На повестке дня, а точнее ночи, были следующие вопросы. Например, надо было что-то делать с сумасшедшими домами. Они были настолько переполнены нормальными людьми, которые понимали что в стране что-то не так, что некуда было девать нормальных сумасшедших. В месяц строилось по несколько огромных сумасшедших домов, но все они за несколько суток заполнялись несидентами, то есть теми, кто не мог сидеть тихо, и для настоящих шизофреников просто не оставалось места. Дальше больше – возникла проблема с персоналом. Ладно медсёстры, их было пруд пруди, но психиатров катастрофически не хватало. В некоторых республиках психиатр работал в командировочном режиме, разъезжая из одного города в другой и посещая местные сумасшедшие дома. Расстреливать несидентов согласно моей настольной книге «Создание тоталитарного режима для чайников» было нельзя, иначе вокруг них может появиться ореол мучеников и борцов за правду. То ли дело признать их сумасшедшими, тогда никто этих дураков слушать не будет.

Помимо проблемы с персоналом и помещением возникала ещё и проблема с лекарствами. На заводах банально не успевали делать нужное количество транквилизаторов, необходимых для того, что бы превращать всех этих подозрительных фруктов в овощи. Я сделал несколько звонков в министерство здравоохранения, вежливо напомнил им о том, что проблемы должны быть решены в ближайшее время.

Было ещё несколько важных вопросов. Например, что делать со школьными уроками литературы, если из разрешённых книг остались лишь мои биографии и научно-технические инструкции? Как заставить детей на уроках рисования делать чертежи комбайнов? С какого возраста человека можно расстреливать? То и дело мне сообщают о бунтах в тюремных лагерях, так как регулярно происходит путаница из-за названия (каждый лагерь назван Наябовским), и некоторые лагеря оказываются переполненными и лишёнными еды, а другие наоборот, почти пустыми, но переполненными едой. Надо было решать что сделать: поставить в каждом городе мою статую длиной в 300 метров или потратить эти деньги на военно-промышленный комплекс.

Мои мрачные думы прервали стуком в дверь.

– Проходите.

Это был Лавров.

– Товарищ Наябов! Срочные новости! Кто-то пытается пробиться в вашу комнату... ну... ту самую...

– Что?

Бросив трубку, я вскочил, схватил со стола пистолет и побежал к ней, оттолкнув Лаврентьева.

Правило борца с системой №28:

Если вам удалось развязать гражданскую войну, то постарайтесь уничтожить как можно больше памятников и объектов культурного наследия, взорвать побольше зданий и важных стратегических объектов. Это весело!

Мы около часа бродили по лабиринтам подземки столичного Наябовграда. Доцент утверждал, что он прекрасно знает куда идти, но судя по всему, ни черта он не знал. Шрам флегматично молчал, Кролик цинично усмехался, но волнения не показывал.

– Когда-то здесь планировали сделать бомбоубежище, – сказал Кролик, – но потом учёные подсчитали, что на нашей планете ядерного оружия столько, что эту самую планету можно уничтожить 1789 раз, и в бомбоубежищах смысла нет. Иначе говоря, следующая война может оказаться для нас последней.

Шрам цинично усмехнулся.

– Фактически, – продолжил Шрам, – это кажется, что мы живём, работаем, к чему-то стремимся. На самом деле мы постоянно на острие бритвы, и из-за ругани двух дипломатов все мгновенно может взлететь на воздух. Это может произойти в любой момент. Так что мы, фактически, спасаем мир.

– А почему этого не произошло до сих пор?

– А этого никто не знает. Понимаешь, когда бежишь по лезвию бритвы, останавливаться нельзя. Вот так и весь мир. Никто не может остановиться и подумать, все куда-то бегут. Знают ведь, что если остановятся то всем конец.

– Кажется, нашёл! – прервал наши философствования Доцент, – вот он, коридор 19, вон там, в конце дверь 05. Нам туда.

– Почему здесь нет охраны? – спросил я.

– Потому, – ответил Доцент, – что это очень и очень секретное место, о котором знает только Вождь и несколько приближённых к нему людей. Эта «Тварь-машина» очень непредсказуемый механизм и неизвестно, как он отреагирует, если в его поле окажется посторонний человек.

– Откуда вы вообще всё это узнали?

– Не суть важно. Дальше ты пойдёшь один.

– Как это один?

– Мы все люди без фантазии, и творческой жилки у нас нет. Нам нельзя приближаться к «Тварь-машине». Наши убогие представления о мире могут помешать «Тварь-машине» сделать твой богатый духовный внутренний мир творца реальностью.

– А оружие то хоть дадите?

– Тебе оно не понадобится.

– Да уж, хороши, революционеры!

Обозлённый я двинулся по этому коридору к двери 05. Что меня там ждало, я не знал.

Внутри комнаты было маленькое, похожее на компьютер изобретение, рядом с которым стоял какой-то человек, нацелив на меня свой пистолет.

– Кто ты такой?

Подняв руки, я представился. А потом меня прошиб холодный пот. Это же был сам диктатор воочию! Сам Наябов наставил на меня ствол!

– Отлично. Ты...

– Землемер, – ответил я.

– А теперь правду.

– Писатель, – выдохнул я.

Ещё совсем недавно я просто шел к себе домой по набережной Наябова, а теперь этот самый Наябов, человек, именем которого названы все улицы, площади, набережные и города этой страны, под угрозой пистолета допрашивает меня.

Однако когда я сказал, что я писатель он вдруг спрятал пистолет обратно к себе в кобуру.

– Настоящий писатель?

– Ну да.

– Врёшь! – он опять потянулся за пистолетом, – все настоящие писатели мертвы!

– Нет, нет, что вы! Я просто нигде не публиковался и хранил свои произведения в голове.

– Ну-ка расскажи мне парочку твоих рассказов, которые ты хранишь у себя в голове.

– Ну, например, рассказ о мальчишке с маленького рыболовецкого судна. Моряки с этого судна вели охоту за легендарным огромным китом по прозвищу «левиафан» в течение шести лет. Пока они гонялись за ним, они побывали почти во всех уголках земли. В итоге судно потерпело крушение, а кит внезапно спас мальчишку и на себе донёс до земли.

– Нереалистично, но красиво. Ещё что-нибудь есть?

– Да. Солдат навещает в госпитале свою первую любовь, связь с которой потерял пятнадцать лет назад. Она обещала ждать его, и пока ждала, поседела и повредилась рассудком. Выходя из палаты, солдат чувствует горечь на душе и раскаяние, но понимает что ничего уже не изменить...

– Понятно, понятно. Неплохо. Да. Ты действительно писатель, – Наябов убрал пистолет в кобуру, – и теперь мы выберемся из этого ада.

– Этого ада? Мне кажется, вам этим адом управлять очень даже нравилось.

– Опять двадцать пять! Да нет же! Это долгая история.

– Торопиться нам некуда. Я подожду. Я хочу понять, наконец, что тут творится и что это за «Тварь-Машина»!

– Хорошо.

Правило диктатора №75:

Придумайте себе какое-нибудь хобби, вроде игры в гольф или коллекционируйте монетки. Это как бы говорит людям, что вы тоже человек, а не бездушная машина.

Я начал свой печальный рассказ: «Раньше я был совсем обычным парнем Маратом Наябовым. Учился в техническом институте, не то что бы с особым успехом, но благодаря зубрежке и упорству стал аспирантом на одной из кафедр, причем аспирантом у самого авторитетного учёного. Он-то и изобрел эту штуку.

Как и все люди, я смотрел кино, гулял с друзьями, иногда выпивал с друзьями, иногда выпивал с девушками, иногда с девушками гулял. Я был самым обычным, самым среднестатистическим человеком. Я абсолютно ничем не выделился. Я не был человеком творческим, но и в точных науках я не был гением. Во всех областях я был, как говорится, «среднячком». Но мне всегда хотелось большего. Я часто мечтал о великом будущем, но понимал, что это всё мечты, которые никогда не воплотятся в жизнь.

Однако машина профессора всё изменила. В моём мире она называлась «Твор-Машиной», машиной творчества. Работала она следующим образом. Попробую объяснить доступным языком. Измерение, в котором живём сейчас мы – лишь одно из бесчисленного количества существующих измерений, некоторые из которых похожи на наш мир, в других же творится то, что ты себе и представить не можешь. Профессор разрабатывал эту машину практически пятьдесят лет. Он основывался на теории относительности; что главное во всём эксперименте – это фигура наблюдателя, то бишь сам человек. Он пытался создать машину, которая бы не преобразовывала уже существующее измерение, так как в этом не было надобности, ведь их существует миллиарды миллиардов, а всего лишь перемещала наблюдателя в наиболее подходящее для него измерение. Как-то так. Профессор здраво рассудил, что если измерений существует невероятно много, то есть такие, которые были бы идеально приспособлены для жизни конкретного индивидуума.

На создание машины ушло целых пятьдесят лет. Пятьдесят лет профессор искал связующую ниточку между наблюдателем и измерением. Пытался понять, что нас держит здесь, что мешает нам путешествовать из одного измерения в другое так же, как мы путешествуем из одной страны в другую. И он нашёл ответ...»

– И что это? – спросил Писатель Наябова.

– Не знаю.

– Как так? Подожди, товарищ Диктатор, ты создал интригу, а теперь говоришь, что не знаешь ответа?

– Да. Профессор нашёл ниточку, это верно. Но он... как бы объяснить... он не понял, что это такое до конца. Он всего лишь нащупал верный путь, и машина заработала. Но объяснить работу механизма он не смог.

– И ты воспользовался им.

– Да. И оказался здесь. В мире, где я не просто никому не известный Марат Наябов, а где я Великий Вождь, Диктатор, Правитель Величайшей Сверхдержавы. Только...

– Только вот ноша оказалась тебе не по плечу, да?

– Да, – устало вздохнул я, – всё-таки быть простым аспирантом гораздо легче.

– А почему ты не смог вернуться обратно?

– Не знаю. Видимо, эта машина работает лишь в одном направлении. Она переместила меня во вселенную, где я чуть ли не бог, но профессор немного её не доделал, и я оказался заперт в этом абсурдном тоталитарном ужасном мире.

– А что, если вселенная, в которую переместит нас «Тварь-машина», связавшись с моим сознанием, гораздо хуже?

– Вот и узнаем.

– Хорошо. Там мои друзья. Можно я их...
– Нет!
– Но это они привели меня сюда!
– Машина рассчитана максимум на двоих. А твои друзья... они ведь революционеры, верно?
– Да.
– Тогда всё окончится хорошо. Представь, что станешь с картонным домиком, если убрать одну из нижних карт? То же станет и с этим миром, когда он лишится своего правителя.
– Ладно. Что я должен делать?
– Подойди к машине. И приготовься.
Писатель подошёл к машине. Затем к ней подошёл я, вздохнул и нажал ещё раз на кнопку пуск. А потом все вокруг затряслось, и мне показалось, что всё летит вдребезги.

Правило борца с системой 52:

Обычно на смену старой системы приходит новая, ещё более уродливая. Так что перед игрой в борца за справедливость трижды подумайте.

Я очнулся в просторной комнате от громкого хлопка. Открыв глаза, я увидел Наябова, лежащего на полу в луже крови. Он застрелился. Через несколько минут в комнату вбежало несколько солдат.

– Как вы, товарищ К.? – спросил меня один из них. Ещё один уже подавал стакан с водой, двое других вытаскивали труп Наябова из кабинета.

– Я... Я в порядке...

Я осмотрелся. Это был большой кабинет, увешанный моими портретами, в центре стоял шикарный стол с золотым телефоном и курительной трубкой. В углу стояла пыльная «Тварь-Машина». Посмотрев в зеркало, я удивился – на мне был шикарный китель, я выглядел гораздо старше и упитаннее, чем был в том, своём мире.

– Оставьте меня одного, пожалуйста.

– Так точно, товарищ К.! – отпартовал солдат, и через несколько секунд я уже был в кабинете один.

Я подошёл к окну. Почти на каждом здании был мой портрет, всюду были лозунги вроде «Слава товарищу К.!» и т.д. и т.п. Где-то в центре огромного мегаполиса виднелась моя огромная статуя. В голове пронеслись слова Наябова: «Он пытался создать машину, которая бы не преобразовывала уже существующее измерение, так как в этом не было необходимости, ведь их существует миллиарды миллиардов, а всего лишь перемещала наблюдателя в наиболее подходящее для него измерение». Наябов надеялся, что фантазия творческого человека создаст сказочный утопический мир, но банальное незнание человеческой психологии его подвело.

Зазвонил золотой телефон на столе. Пришло моё время управлять сверхдержавой.

